

Глава I. Г. В. ПЛЕХАНОВ О НАПРАВЛЕНИЯХ И ШКОЛАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ЗАПАДА

(меркантилизм, классическая школа, Т.-Р. Мальтус, Дж.-Ст. Милль, Ж.-Б. Сэй, Ф. Бастиа, Ч. Кэри, историческая школа, социально-этическая школа, К. Родбертус, новая историческая школа, австрийская школа).

Меркантилизм. Учение меркантилистов, представляющее собой обоснование экономической политики абсолютистского государства по накоплению богатства Г. В. Плеханов использует в «Истории общественной мысли в России» для сравнения с меркантилистскими идеями основоположника политэкономии в России Ивана Тихоновича Посошкова. Здесь глубоко проявился западнический характер взглядов Плеханова. Он неоднократно повторяет свое любимое выражение: «Ход идей соответствует ходу вещей» (3, т. 21, с. 106) и доказывает, поскольку Московское государство очень сильно отстало от передовых стран Западной Европы в области экономики, постольку, естественно, что и его «первый экономист» весьма значительно отстал от западно-европейских.

Приоритет западных идей Плеханов показывает на примерах работ представителей меркантилизма Италии и Франции.

Г. В. Плеханов упоминает, что в шестнадцатом столетии Италия дала выдающихся экономистов — Гаспара Скаруффи и Бернардо Даванцетти. Представитель раннего меркантилизма граф Скаруффи выступил с проектом монеты, общей для всех государств тогдашнего цивилизованного мира.

В начале XVII столетия (1613 г.) вышло «замечательное сочинение» Антонио Серры «Краткое исследование о причинах, могущих вызвать в государствах изобилие золота и серебра». Некоторые итальянские писатели называли А. Серру основателем политической экономии. Плеханов отмечает, что, без сомнения, это преувеличение, но этот итальянский экономист «ровно ничему не научился бы у Посошкова по части теории» (3, т. 21, с. 109).

Ту же мысль высказал Г. В. Плеханов, говоря о французском меркантилизме. Упомянув слова Посошкова, что истинное государственное богатство состоит не в полноте казны, а в благосостоянии народа, он показывает, что еще в 1615 году француз Антуан Монкретьен в своем «Трактате политической экономии» (название трактата впоследствии дало название науке), писал королю Людовику XIII: «Богатство Ваших подданных—Ваше богатство». Посошков же закончил свою «Книгу о скудости и богатстве» в 1724 году.

Классическая политическая экономия. В работах Г. В. Плеханова, посвященных истории экономической мысли, анализ классической школы и ее направлений занимает одно из центральных мест. Подробное описание взглядов экономистов-классиков дается в работах «Новое направление в области политической экономии», «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова», «Социализм и политическая борьба», «Политико-экономические взгляды Н. Г. Чернышевского», «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова», а также во многих других.

Г. В. Плеханов показывает исторические условия формирования, дает общую характеристику, подробно описывает взгляды представителей классической школы. Их учение часто используется Плехановым в качестве исходной базы для сравнения с положительными и отрицательными сторонами других направлений политической экономии.

Основными достоинствами классической школы Плеханов считает научную беспристрастность, объективность, ясность изложения, умение приложить основные положения науки к решению вопросов производства, обмена и распределения и раскрыть законы, управляющие жизнью общества. Вместе с тем он критиковал классическую политэкономии за то, что она считала капитализм единственным нормальным способом производства, а законы, свойственные ему, естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства.

Г. В. Плеханов ясно показывает зависимость понятий экономистов-классиков от окружающей их социальной обстановки. Он согласен с мыслью Чернышевского: «Если у каждого человека всегда оказывается хорошим, несомненным и вечным все то, что практически выгодно для группы людей, представителем которых он служит, то этим же «психологическим законом» нужно... объяснять и смену школ в политической экономии» (3, т. 5, с. 258). Писателям школы Адама Смита поэтому казались очень хорошими и достойными вечного господства те формы экономического быта, которыми обуславливались господство буржуазии — заключает Плеханов. Он также пишет: «Экономисты-классики, не исключая и

Рикардо, были до такой степени детьми своего времени, что не допускали даже и мысли о возможности существования экономических отношений, непохожих на буржуазные. Общественное хозяйство античных государств, организация производства и распределения в далеком будущем, даже жизнь первобытных, диких племен — представлялись им более или менее яркими копиями экономической жизни современной им Англии или Франции. Они допускали еще, что лэнд-лорды существовали не на всех ступенях общественного развития, но без капиталистов и пролетариев они не могли вообразить себе даже охотничьего племени» (3, т. 1, с. 247). Само собой разумеется, подчеркивает Плеханов, что подобная охотничья методика «делала совершенно невозможным понимание исторического значения, капитализма, как одного из фазисов экономического развития человеческих обществ» (3, т. 1, с. 241). Отсюда становится понятным, почему классическая школа считает законы, свойственные капиталистическому порядку вечными и непреложными.

Г. В. Плеханов показывает, что «французские и английские экономисты ведались лишь с «абсолютными», вечными истинами. Они отыскивали законы того «естественного порядка вещей», который представляется им гармоническим сочетанием свободы и справедливости, личной выгоды и общественной пользы. Законы этого идеального порядка вещей были, по их мнению, применимы ко всем человеческим обществам, на всех стадиях их развития. Только невежество и вытекающее из него неумелое законодательство мешают людям осуществить этот для всех одинаково выгодный общественный строй» (3, т. 1, с. 182).

К данной оценке он возвращается постоянно: «Экономисты-классики твердо держались того мнения, что капитализм представляет собой единственно **нормальный*** способ производства, единственный экономический порядок, который способен удовлетворить естественным, неискаженным требованиям человеческой природы. Неудивительно, поэтому, что те же экономисты считали законы, свойственные этому порядку, **естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства**. Так было в золотое время буржуазной политической экономии, в эпоху ее пышного расцвета» (3, т. 9, с. 71).

Вместе с тем, существовали и условия, позволяющие классической школе проявить научную беспристрастность и объективность изложения. Это, прежде всего, неразвитое состояние классовой борьбы. Плеханов подчеркивает, что именно это обстоятельство позволяло авторам исследований оставаться на высоте «бесстрастного отношения к предмету», именно этим была вызвана «безза-

ботная откровенность Смита и учебное прямотушие Рикардо» (3, т. 1, с. 215).

Конкретный анализ теорий классической школы Плеханов проводит на примере взглядов ее представителей во Франции и Англии.

Основоположниками классической школы во Франции являлись П. Буагильбер, физиократы во главе с Ф. Кенэ, А. Тюрго.

Плеханов вспоминает Пьера Буагильбера в письмах «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.). В письме «Вероятные последствия голода» Плеханов критически отзывается о тех русских ученых, которые усердно и обстоятельно подсчитывают, как сильно и часто голодал русский крестьянин в «прошлые века» и делают на этой основе вывод, что русский крестьянин при- вык и «доживет до... следующей голодовки» (3, т. 3, с. 369).

Плеханов указывает, что в «прошлые века» крестьянин жил совсем не при тех экономических условиях, при которых он живет в настоящее время. В «прошлые века» он вел натуральное хозяйство, а теперь ведет хозяйство денежное. И пример «прошлых веков» ничего не доказывает по отношению к настоящему времени. Если уж обращаться «к прошлым векам», пишет Г. В. Плеханов, то лучше всего сравнить положение французского крестьянина времен «старого порядка» с нынешним положением русского «мужичка». В связи с этим он указывает, как классически изображены Буагильбером на примере Франции времен Людовика XIV опустошения, вносимые в крестьянскую среду переходом от натурального хозяйства к хозяйству денежному, которое представляет собой необходимое условие возникновения внутреннего рынка для промышленного капитала. Но пропорции указанного явления в России во много раз больше и совершается оно несравненно быстрее. Французский крестьянин, как показал Буагильбер, вовлекался в сферу влияния мануфактуры; русский, говорит Плеханов, сразу попадает в водоворот крупной промышленности. Поэтому положение русского крестьянина гораздо хуже.

Однако быстрое разрушение старых экономических условий является для России положительным моментом, делает вывод Плеханов: «Чем скорее совершится экономическая эволюция, тем быстрее приблизится время политического переворота. Нанося последний удар старой экономии России, нынешнее бедствие является в то же время агонией царизма» (3, т. 3, с. 370).

Идеи Буагильбера использует Г. В. Плеханов и в «Истории общественной мысли в России». Он показывает, как Буагильбер, заботясь о положении народа, постоянно доказывает французскому королю, что истинное государственное богатство состоит не в под-

ноте казны, а в благосостоянии народа. В своих сочинениях Буагильбер утверждал: «Богатство подданных — единственная основа богатства королей».

Взгляды Буагильбера совпали с положением, выдвинутым впоследствии знаменитым главой французской школы физиократов Франсуа Кенэ: «Бедны крестьяне — бедно королевство, бедно королевство — беден король». Но если Буагильбер прежде всего подчеркивал бедственное положение крестьянства, то Кенэ фактически описывал буржуазный порядок. Это очень хорошо показал Г. В. Плеханов в главе «Западная общественная мысль и ее влияние на Россию» работы «История русской общественной мысли». Согласно теории Кенэ **«крестьянское богатство** предполагает наличие **богатых фермеров**, у которых крестьянне работают по найму. Это ясно высказано и подробно обосновано в статьях Кенэ «Фермеры» и «Зерно». В первой из них он пишет: «Чем богаче земледельцы, тем больше увеличивают они производительность земли и могущество наций. Бедный же фермер может обрабатывать землю только в ущерб государству». Во второй — он оговаривается: «Под богатым фермером мы понимаем не работника, лично обрабатывающего свою землю; это — предприниматель, руководящий предприятием и поддерживающий его посредством своего ума и своего богатства». Стало быть, вышеприведенное положение Кенэ может быть сформулировано следующим образом: **король беден там, где бедно королевство, королевство бедно там, где бедны крестьяне, а крестьяне бедны там, где они являются самостоятельными хозяевами** — делает вывод Г. В. Плеханов (3, т. 22, с. 7).

Плеханов ярко показал основные особенности физиократической теории. «Физиократы смотрели на капиталистические отношения производства как на такие, которые определяются самой природой. Капиталистический порядок был в их глазах «естественным и существенным порядком» цивилизованных обществ» (3, т. 22, с. 6). Эта плехановская оценка опирается на слова самого Кенэ: «Все люди и все области человеческие подчинены этим высшим законам (Законам Естественного Порядка), установленным верховным существом; эти законы неизменны и неотвратимы и лучшие из всех возможных законов. Поэтому они могут составить основу самого совершенного правительства и главное руководящее правило для положительных законов» (3, т. 1, с. 182).

Капиталистический порядок в теории физиократов «характеризуется тем, что средства производства принадлежат не работнику, который обладает только своей рабочей силой и потому вынужден продавать ее на рынке, а предпринимателю, покупающему

эту силу и заставляющему работника употреблять ее в дело. Предприниматели и работники составляют два главных класса развитого капиталистического общества. Рядом с ними стоит еще класс землевладельцев, который местами выступает в предпринимательской роли» (3, т. 22, с. 6). Вот такое-то общество, состоящее из землевладельцев, предпринимателей и наемных рабочих, показывает Плеханов, и было, по учению физиократов, «естественным порядком». Родоначальник их школы Ф. Кенэ доказывал, что Франция выиграла бы очень много, если бы в ней установился такой порядок. «Правда,—отмечает Плеханов, особенность физиократической школы Кенэ, считая земледельческий труд единственным родом труда, способным создавать «чистый доход»,—он рекомендовал капиталистические отношения производства преимущественно, чтобы не сказать исключительно, в области земледелия. Но это — частность, отнюдь не отличающая у физиократин ее характера буржуазной идеологии» (3, т. 22, с. 6).

Характеризуя порядок, который физиократы рекомендовали взамен феодально-меркантильного, Плеханов показывает, что они считали экономическое неравенство не только неизбежным, но и выгодным, а потому старались обнаружить преимущества, протекавшие из него для народного хозяйства. Эта позиция легла в основание всех учений классической школы, провозглашавших, что «каждый индивидуум, преследуя цель личного своего обогащения, способствует в то же время возрастанию благосостояния всей нации и каждого из ее членов» (3, т. 1, с. 195). Плеханов считает такой взгляд закономерным: «В «естественном порядке» солидарность должна была родиться из самого эгоизма» (3, т.1, с. 195). Но сам он предпочитает идеи французских просветителей того периода, которые мирились с экономическим неравенством только как с необходимым злом и, выставляя его вредные представления, старались придумать меры, способные смягчить их.

Гораздо дальше физиократов пошел Анн Робер Жак Тюрго, министр финансов короля Людовика XVI. Плеханов показывает, что во Франции упования на свободу и счастье народа очень ожились с началом реформ Тюрго. «Но Тюрго недолго продержался у власти и за его падением последовала откровенная реакция» (3, т. 22, с. 22).

Некоторые идеи Тюрго приняли наиболее развитый для того периода вид. Он высказал четкое мнение о политэкономии как науке об общих законах экономического развития. Плеханов отмечает это в работах «Социализм и политическая борьба» и «Новое направление в области политической экономии». Он выделяет слова Тюрго — «тот, кто не забудет, что существуют политические

государства, отделенные одно от другого и различно организованные, никогда не будет в состоянии хорошо обсудить какой бы то ни было вопрос политической экономии» (3, т. 1, с. 182).

Английская классическая школа представлена в работах Плеханова идеями Петти, Смита, Рикардо.

Плеханов указывает, что Петти жил в то время, когда «историческое движение еще не обнаружило или, вернее сказать, еще не создало тех неудобств капитализма, против которых борются теперь социалисты» (3, т. 5, с. 36). Поэтому он не подозревал о них и был честным мыслителем, даже защищая капиталистический строй. Он подчеркивает, что Уильям Петти совершенно правильно поставил и решил такой важный вопрос, как объяснение меновой стоимости товаров (3, т. 21, с. 109).

Характеризуя взгляды Адама Смита, Плеханов неоднократно развивает мысль, что поскольку во всякой науке практика всегда предшествовала теории и никогда не переставала оказывать на нее огромное влияние, то в период Адама Смита казались очень хорошими и достойными вечного господства те формы экономического быта, которые главенствовали или стремились к главенству. Школа Адама Смита, бывшая представительницей этих форм, находила их самыми лучшими в теории. Плеханов подчеркивает, что это было «золотое время для классической школы».

Особой симпатией и уважением проникнуты страницы работ Г. В. Плеханова, посвященные Давиду Рикардо. Он называет Рикардо «великаном научной мысли» (3, т. 14, с. 145), считает, что «у Рикардо есть чему поучиться даже сведущему читателю» (3, т. 5, с. 110—111). Говоря об эпохе, в период которой жил Рикардо, Плеханов пишет: «Сочинения Д. Рикардо представляют собой высшую, кульминационную точку в развитии классической политической экономии. Основные положения тогдашней науки были с неуклонной последовательностью приложены знаменитым экономистом к решению всех вопросов производства, обмена и распределения, обращавших на себя в то время внимание исследователя. Эти вопросы были, разумеется, непохожи на «проклятые вопросы» настоящего времени. Не нужно забывать, что главное сочинение Рикардо «Начало политической экономии» появилось еще в 1817 году, т. е. шестьдесят четыре года тому назад. Капиталистический способ производства тогда еще только завоевал себе господствующее положение в сфере западно-европейских экономических отношений; буржуазия спорила еще за власть и преобладание с поземельной аристократией; наконец, промышленные кризисы не сделались еще в то время периодически возвращающимся бедствием цивилизованных наций... «Общественные потребности»

и нужды западно-европейских народов были совсем иные в начале XIX века, чем в настоящее время. Перед современниками Рикардо не стоял еще грозным призраком рабочий вопрос; они не знали еще, до каких противоречий может дойти капиталистический способ производства. Они видели капитализм лишь с его положительной стороны, с точки зрения увеличения национального богатства» (3, т. 1, с. 169—170). Правда, отмечает Плеханов, «Рикардо и его предшественники — основатели экономической науки — имели уже совершенно определенный и далеко не розовый взгляд на положение рабочих в капиталистическом обществе, но тем не менее рабочий вопрос, в собственном смысле этого слова, интересовал их еще очень мало» (3, т. 1, с. 171). Он подчеркивает, что экономисты-классики связывали интересы рабочих с возрастанием «народного богатства» и в этом возрастании видели единственное средство врачевания общественных бедствий.

Вместе с тем, во времена Рикардо были явления, обнаружившие некоторые из противоречий капитализма. Одним из явлений этого рода была борьба рабочего с усовершенствованным орудием его труда — машиной. Введение машин затрагивало интересы всех участвующих в производстве, но затрагивало их в диаметрально-противоположном смысле. Для работодателей введение машин означало увеличение производительности труда занятых в производстве рабочих или уменьшение издержек производства, удешевление продуктов, расширение сбыта, завоевание новых рынков и т. п. Словом, фабрикант по самому своему положению склонен был видеть лишь положительную сторону последствий введения машин. Для рабочего, напротив, это введение знаменовало собою уменьшение спроса на труд, понижение заработной платы, а временами и безработицу. Поэтому рабочий недружелюбно относился к машинам. Таким образом, противоречия капитализма обнаруживались нелепым явлением — борьбой производителя с орудием его труда. Из средства облегчения физического труда и увеличения власти человека над природой машина сделалась вернейшим средством угнетения трудящихся. И последние борются против введения машин. Когда тот или другой жизненный вопрос требует так настойчиво своего разрешения, — пишет Г. В. Плеханов, то он не может остаться незамеченным наукою, если только ее представители не закрывают на нее умышленно глаз. «Но в то время к такому умышленному закрытию глаз на явления жизни не было еще поводов. Протест рабочих выражался в такой грубой, примитивной форме; он направлялся против таких необходимых и очевидно полезных для производства технических усовершенствований; наконец, сознание особенностей своего положения как класса, было

еще так слабо развито в умах самих рабочих, что ни самой буржуазии, ни ученым ее представителям не могло внушить серьезных опасений констатирование указанного выше противоречия капитализма. Каждый из лучших и честнейших представителей буржуазной экономии мог, как это сделал Рикардо, признать, что «замена машинами человеческого труда наносит часто большой вред интересам рабочего класса» и в то же время, без всяких сделок со своей совестью, прибавить: «надеюсь, что установленные мною положения не ведут к заключению, что машины не должны быть поощряемы». Рикардо совершенно верно полагал, что «употреблению машин никогда нельзя препятствовать в государстве безнаказанно» (3, т. 1, с. 172).

Плеханов вновь обращает внимание на то, как современная Рикардо экономическая жизнь передовых европейских народов позволяла ему сохранять полную научную беспристрастность, стоя в то же время целиком на точке зрения буржуазии, отождествляя процессы ее обогащения с историей обогащения всего общества. «Благодаря этой объективности, — говорит Плеханов, — положения школы Рикардо имели и имеют огромное научное значение. Систематичность, ясность и строгая научность учений Рикардо оставляли желать весьма немногого» (3, т. 1, с. 172).

В этот период кажется, что экономистам последующего времени остается лишь принять полностью завещанное великим экономистом наследство и продолжать строить начатое здание науки.

Но развитие экономической жизни западно-европейских народов шло своим путем; на историческую арену стали пробиваться новые общественные группы; незаметные прежде противоречия капитализма обнаруживались все с большей и большей ясностью, а вместе с этим и в науке стали обнаруживаться новые течения, более или менее сильно отклоняющиеся от направления Рикардо-Смитовской школы. Плеханов еще раз приводит свою крылатую фразу: «изменялся «ход вещей», изменялся и «ход идей» и правильное понимание первого должно дать нам ключ к уразумению последнего» (3, т. 1, с. 173).

В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов блестяще анализирует упадок классической школы политэкономии. Он считает, что в истории развития буржуазии богатство оказало ей весьма «производительную услугу», как выразились бы экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. «Может ли пролетариат приобрести это знание, — спрашивает Плеханов, — может ли он быть одновременно и самым бедным и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для

него вне этого условия, потому что без знания — нет силы!» (3, т. 2, с. 63). Он показывает, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась о его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она расшатала его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширяла его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический вопрос, и политическая экономия играет здесь важнейшую роль. «Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов общественной экономии?» — ставит вопрос Плеханов (3, т. 2, с. 63). Отвечая на него, он доказывает, что буржуазия неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать эту проблему — значит уже угрожать ее господству. Да и **может ли** она, по его словам, выполнить хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? «Нет. Ослепленные интересами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к объективному научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметрально противоположность интересов труда и капитала. Систонди был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них **общие** теоретические исследования буржуазных экономистов утратили большую частью всякое научное значение» (3, т. 2, с. 63—64).

Плеханов убедительно показал, что «когда вместе с развитием капиталистического производства вышли наружу и свойственные капитализму противоречия, научные положения классической буржуазной экономии превратились в обвинительные пункты против буржуазного способа производства... Буржуазная наука обращалась, таким образом, против самой буржуазии» (3, т. 1, с. 215). Из мирных и объективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих свои усилия на перестройку самого здания науки. На смену классической политэкономии пришла «вульгарная экономия».

Г. В. Плеханов не дает в своих работах общую характеристику основных черт вульгарной политэкономии. Но он с яркостью, глубиной и остроумием показал их на примере анализа воззрений ее

основоположников Мальтуса и Милля в Англии, Сэя и Бастиа во Франции, Кэри в Америке.

Т.-Р. Мальтус. К основоположнику вульгарной политэкономии в Англии Томасу-Роберту Мальтусу Г. В. Плеханов относится совершенно иначе, чем к экономистам-классикам. Он пишет, что шумевшее исследование Мальтуса о законе народонаселения было «одним из литературных памятников умственной реакции (3, т. 18, с. 39), называет его взгляды «банальными» (3, т. 8, с. 117). Плеханов считал книгу Мальтуса «О народонаселении» написанной «в угоду высшим классам английского общества» (3, т. 5, с. 241).

Наиболее полную характеристику методу и учению Мальтуса Плеханов дает в работе «Н. Г. Чернышевский», в отделе «Политико-экономические взгляды Н. Г. Чернышевского». «Мальтус, — пишет Плеханов, — очень дешево купил ученую славу» (3, т. 6, с. 192). Достаточно, по его мнению, прочесть «Основы политической экономии» чтобы это понять: «Мальтус был противником Рикардо... он не только очень слабо возражал Рикардо, но просто не в состоянии был понять взгляды этого действительно замечательного экономиста. Точка зрения Рикардо навсегда осталась для него недостижимой ступенью научного мышления. Все, что говорит он против Рикардо, может по своему достоинству сравниться разве лишь... с теми доводами, которые в изобилии измышляются теперь патентованными учеными для побиения марксизма. Ум Мальтуса — типичный ум вульгарного экономиста, никогда не шел дальше поверхностных явлений и никогда не отличался хотя бы самой элементарной последовательностью. За какой вопрос ни брался этот человек, он неизбежно запутывал его по той простой причине, что не умел ясно поставить его перед собой и твердо держаться раз принятой установки. Незаметно для себя он перескакивал от одной постановки к другой, мешал в одну кучу различные выводы, вытекающие из различных постановок вопроса и кончал тем, что вряд ли и сам понимал, о чем собственно идет у него речь в данное время и в данном месте» (3, т. 6, с. 192).

Плеханов считает, что именно эти недостатки метода исследования Мальтуса оказали ему огромную услугу при изучении вопроса о народонаселении. В интересах буржуазии было избежать исследования всех общественных элементов, иначе неизбежно возникал вопрос — происходит ли перенаселение от того, что почва страны не в состоянии прокормить данное число людей или только от того, что общественные условия мешают надлежащим образом воспользоваться плодородием почвы. Объяснений можно избежать, если изучение исторических законов народонаселения уступит место описанию единого отвлеченного закона, действующего

во все времена и у всех народов. Это и проделал Мальтус. Кроме того, хотя он ввел в свою книгу значительное количество самых разнообразных фактов, в силу чего она приняла вид серьезного и обстоятельного исследования, благодаря указанному характеру мальтусовского ума, использование цифрового материала только маскировало полное отсутствие исторического материала.

Плеханов упрекает Мальтуса и в еще большем недостатке. Он ссылается на то, что Маркс называл Мальтуса плагиатором. И подтверждая этот факт, пишет немецкому ученому Зэтбееру: «Читал ли г. Зэтбеер предшественников Мальтуса? Если да, пусть укажет хотя бы одну, только одну!, мысль этого писателя, не заимствованную у кого-нибудь из них. Со своей стороны мы можем привести именно из последующих изданий множество примеров поразительной, доходящей до мелочей, несамостоятельности Мальтуса» (3, т. 6, с. 191—192).

Дж.-Ст. Милль. Иное отношение у Плеханова к другому представителю вульгарной политэкономии Джону-Стюарту Миллю. Взгляды последнего Плеханов в основном рассматривает в работах «Новое направление в области политической экономии» и «Н. Г. Чернышевский».

Плеханов пишет, что после 1848 года в экономической литературе Западной Европы замечается двойственное течение, вызванное изменившимся историческим развитием общества. Представители одного направления продолжали восхвалять преимущества теперь уже господствующего «естественного порядка» и отрицать противоположность интересов предпринимателей и рабочих. Экономисты другого оттенка старались примирить политическую экономию капитала с требованиями пролетариата. К этому направлению принадлежит Дж.-Ст. Милль. Ученые этого лагеря признавали, что не все идет к лучшему в капиталистическом обществе; они понимали, что обеднение рабочих классов грозит серьезными замешательствами западно-европейским государствам и старались найти меры, которыми можно было бы предупредить дальнейшее развитие пауперизма.

Плеханов называл английского ученого духовным сыном своих предшественников, учеником Смита, Мальтуса и Рикардо: «Теория ценности, ренты, распределения и заработной платы Рикардо, учение о народонаселении Мальтуса служили фундаментом экономических воззрений Милля, исходным пунктом всех его исследований» (3, т. 1, с. 190). В результате того, что Милль наряду с классиками испытал на себе сильное влияние вульгарных английских экономистов, он, по выражению Плеханова «всю жизнь свою старался сесть между двух стульев» (3, т. 5, с. 111), поэтому, если у

Рикардо есть чему поучиться даже сведущему читателю, то «даже сведущий читатель может сбиться с толку под влиянием Милля» (3, т. 5, с. 111).

Плеханов подверг метод Милля широкой критике с марксистских позиций. Он считает, что у Милля большая склонность к соглашению совершенно несогласимых между собой понятий. Поэтому даже верно понятые им теории сочетались в его голове с другими, тоже, пожалуй, верно понятыми, но прямо противоположными им теориями. «В результате получалось нечто совершенно непостижимое. С величайшим трудом глотаете вы эту логически невозможную микстуру и воочию видите — какой ужасный народ господу эклектики. Уж лучше твердо держаться ошибочных взглядов, чем стараться примирить ошибочные взгляды с верными» (3, т. 6, с. 87). Представьте себе, продолжает Плеханов, что Милль преподносит своему читателю смесь, где сначала на первый план выступает ошибочная теория, потом эта ошибочная теория как будто несколько ступшевывается: проглядывает что-то похожее на истину; в заключение делается попытка привести истину к одному знаменателю со вздором и получится какое-то среднее учение, в котором «верное окончательно испорчено ложным, а ложное возведено в квадрат незаконным сожительством с истиной» (3, т. 6, с. 87). Разбирайтесь как хотите, — говорит Плеханов, — вы никогда не поймете с полной ясностью — в чем дело. «Участь политической экономии по Миллю, вы ровно ничему не научитесь, хотя будете думать, что вы знакомы со всеми главнейшими взглядами на данный экономический вопрос, так как все главнейшие взгляды излагались перед вами» (3, т. 6, с. 87).

Метод Милля подробно анализирует Плеханов и в работе «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова».

Он показывает, что у Милля двойственный подход к экономическим законам. По мнению Милля, законы производства не зависят от промышленной организации общества. Они определяются, с одной стороны, свойствами внешней природы, а с другой — свойствами внутренней, умственной и физической природы человека, короче, — коренными качествами материи и мысли. Мы, считаем Милль, не можем изменить этих качеств, а потому не от нашей воли зависят и законы производства. Им нужно починяться так же, как подчиняемся законам природы. Не то, по его словам, — с явлениями распределения. Принципы его зависят от сознания и воли людей, от законов и обычаев, от мнений и желаний правящей части общества. В них нет ничего вечного и неизменного.

Плеханов подверг глубокому изучению эти взгляды и доказал, что даже те законы производства, которые кажутся неизменными,

на самом деле зависят в своем действии от постоянно изменяющихся общественных отношений: «нетрудно согласиться с тем, что «коренные качества» материи и мысли неизменны и ни в каком случае не зависят от воли людей. Но неизменность «коренных качеств» материи и мысли еще не обуславливает собою неизменности тех отношений, которые устанавливаются благодаря производству» (3, т. 9, с. 73). Плеханов приводит пример с разделением труда и показывает, что на первоначальных ступенях развития общество существует в зачаточном состоянии, а в капиталистическом — размеры его зависят от характера производительной деятельности и масштабов рынка. Появится крупное производство рядом с мелким, говорит Плеханов, или нет — определяется не «коренными качествами материи и мысли», а отношениями людей в общественном процессе производства.

Плеханов также раскрыл несостоятельность положений Милля о том, что правила распределения продуктов буржуазного общества созданы мнениями и желаниями господствующей его части, т. е. капиталистов. Если это так, замечает Плеханов, то трудно понять, каким образом изучение правил распределения может стать задачей политэкономии. Если вспомнить к тому же, продолжает Плеханов, что и законы производства, по Миллю, определяются коренными качествами материи и мысли, а эти последние не могут быть предметом политэкономии, то нельзя сказать определенно, чем же должна заниматься политэкономия.

Плеханов показывает разницу между взглядами экономистов-классиков и Дж.-Ст. Милля. Первые считали естественными, и в этом смысле не зависящими от воли и сознания людей, принципы капиталистического хозяйства. Милль уже совершенно верно сознавал, что капиталистическая система сама есть продукт длительного исторического движения и поэтому ошибочно считать ее единственно нормальной. В связи с этим он отказался признать принципы капиталистического распределения естественными и непреложными. «Но историческое происхождение этих «принципов» осталось для него темным. Он приурочил его к мнениям и желаниям господствующей части общества, к сознанию и воле людей» (3, т. 9, с. 77). Благодаря этому, указывает Плеханов, Милль вернулся к точке зрения французских просветителей XVIII века: «Мнения правят миром». Мнениями определяются принципы распределения, — говорит Милль. «Но и эта точка зрения кажется ему уже не вполне удовлетворительной. Мнения, «правлящие миром», не случайны, они имеют свою историю. Чем же обуславливается их историческое развитие? И на этот вопрос Дж.-Ст. Милль сначала отвечает так, как отвечали просветители, когда им случа-

лось задуматься над ним: историческое развитие мнений определяется основными законами человеческой природы. И опять он чувствует неудовлетворенность этого ответа; он сознает, что если основные свойства человеческой природы неизменны, то они не могут объяснить тех перемен, которые совершаются во мнениях людей. Он указывает на состояние знаний и на общественные учреждения. В конце концов оказывается, что общественные учреждения определяются мнениями, а мнения — общественными учреждениями. Понятно, что во всем этом нет и тени научного решения вопроса» — сделал вывод Плеханов (3, т. 9, с. 78).

Он считает, что взгляд Милля на принципы распределения представляет собою скорее компромисс между старой политико-экономической догматикой, из-под власти которой ему так и не удалось выйти, и более или менее передовыми стремлениями его времени. И этот взгляд изготовлен по формуле: «надо сознаться, хотя нельзя и не признаться» (3, т. 9, с. 78).

Ж.-Б. Сэй. Экономические взгляды основоположника вульгарной политэкономии во Франции Жана-Батиста Сэя Плеханов упоминает в работе «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова». Он показывает, что рядом со школой Смита—Рикардо развилась другая школа, имевшая своим родоначальником Ж.-Б. Сэя и распавшаяся со временем на несколько различных направлений. «Несмотря на свои разногласия, экономисты всех этих направлений сходились в том, что каким-то чутьем угадывали сколько хлопот наделает впоследствии буржуазии учение Рикардо о меновой стоимости, о заработной плате, о распределении национального дохода и т. д. Поэтому они взапуски принялись дополнять и поправлять «односторонние» и «бессердечные» теории Рикардо» (3, т. 1, с. 239).

Ярко выраженный внеисторический подход Сэя к политической экономии критикует Плеханов в работах «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «От идеализма к материализму». Он сравнивает два подхода к методу исследования — Гегеля и Сэя. Гегель, по мысли Плеханова, «был прав как «диалектик», т. е. поскольку смотрел на все явления под углом их развития. Кто смотрит на явления с точки зрения их развития, тот отказывается прилагать к ним меру того или другого отвлеченного принципа» (3, т. 18, с. 137). Значение Гегеля в общественной науке определяется прежде всего тем, что он смотрел на все ее явления с точки зрения процесса становления, т. е. с точки зрения их возникновения и уничтожения. Многим может показаться, пишет Плеханов, что это — небольшая заслуга, так как иначе, кажется, и нельзя смотреть на

общественные явления. Но во времена Гегеля от этой точки зрения были очень далеки люди, занимающиеся общественными науками. Достаточно припомнить тогдашних экономистов. Экономисты восхищались буржуазным порядком и не находили достаточно слов для его восхваления, но он представлялся им не более как плодом случайного открытия истины. По этому поводу Плеханов отмечает: «Метафизики всех времен, всех народов и всех направлений, раз усвоив известную философскую систему, считали ее истинной, а все другие системы — безусловно ложными. Они знали только **отвлеченную противоположность** между отвлеченными представлениями: истина, заблуждение. Поэтому история мысли была для них лишь хаотическим сплетением частью грустных, частью смешных ошибок, дикая пляска которых продолжалась вплоть до того блаженного времени, когда придумана была, наконец, истинная философская система. Так смотрел на историю своей науки еще Ж.-Б. Сэй, этот метафизик из метафизиков. Он не советовал изучать ее, потому что в ней нет ничего, кроме заблуждений» (3, т. 7, с. 141). «Ж.-Б. Сэй считал бесполезным изучение истории политической экономии, потому что до Адама Смита все экономисты проповедовали ошибочные теории» (3, т. 7, с. 31).

Самый последовательный материалист, говорит Плеханов, не откажется признать, что каждая данная философская система есть лишь умственное выражение своего времени. «И если, возвращаясь к истории политической экономии, мы спросим себя — с какой точки зрения мы должны смотреть на нее в настоящее время, то немедленно увидим, насколько мы ближе к Гегелю, чем к Ж.-Б. Сэю. Вот, например, с точки зрения Сэя, т. е. с точки зрения абстрактной противоположности между истиной и заблуждением, меркантильная система или даже система физиократов должна была представляться, и действительно представлялась, не более как случайно попавшею в человеческие головы нелепостью. Но мы знаем теперь, до какой степени каждая из названных систем являлась необходимым продуктом своего времени» (3, т. 7, с. 31).

Метафизичность взглядов Сэя проявилась и в его трактовке соотношения политики и экономики. Сэй говорит, что долгое время политику в собственном смысле, т. е. науку об организации общества, смешивали с политической экономией, учащей, как возникают, распределяются и потребляются богатства. Между тем, по мнению Сэя, богатства в сущности не зависят от политической организации. «При всякой форме правительства государство может процветать, если оно хорошо управляется. Некоторые нации обогащались при абсолютных монархиях, другие — погибали при

народных собраниях. Если политическая свобода благоприятна для развития богатства, то только косвенно, подобно тому, как она благоприятствует образованию (3, т. 8, с. 181). Плеханов доказывает, что теоретически этот взгляд ошибочен в двух отношениях. Во-первых, державшиеся его люди забывали, что в общественной жизни, как и всюду, где мы имеем дело с процессом, а не с отдельным явлением, следствие, в свою очередь становится причиной, а причина оказывается следствием. Во-вторых, если политические отношения являются следствием социальных отношений, то непонятно, каким образом до крайности различные следствия (политические учреждения диаметрально противоположного характера) могут быть вызваны одной и той же причиной — одинаковым состоянием богатства. «Очевидно, — пишет Плеханов, — что тут самое понятие о причинной связи политических учреждений страны с ее экономическим состоянием остается еще до крайности туманным» (3, т. 7, с. 100).

Наглядным примером путаницы, которая характерна для взглядов Сэя, по мнению Плеханова, является теория доходов. Школа Сэя «отрицала, что доход поземельных собственников и капиталистов представляет собою продукт труда. По ее мнению, доход этот обязан своим существованием «производительным услугам», заключающимся в почве и капитале естественных сил» (3, т. 1, с. 267).

Плеханов пишет, что подобные взгляды дают серьезное оружие в руки социалистов, ведь если рента и прибыль — результат действия естественных сил, то справедливо ли обращать эти силы в собственность частных лиц. Этот довод представляется ему нестерпимым ударом по теории доходов Сэя.

Ф. Бастиа. Автора теории «экономических гармоний» французского экономиста Фредерика Бастиа Плеханов относит к тому течению вульгарной политэкономии, которое продолжало восхвалять преимущества господствовавшего «естественного порядка» и отрицать противоположность интересов предпринимателей и рабочих. Экономистов этого оттенка Плеханов называл «софистами и сикофантами господствующих классов» (3, т. 1, с. 189). «Экономические побасенки Бастиа могут считаться типическим литературным выражением этого «гармонического направления» — писал Плеханов.

Г. В. Плеханов еще раз доказывает, что различные отношения в производстве создают различные взгляды в науке. «Понимание буржуазными идеологами смысла борьбы между буржуазией и пролетариатом не могло оказать сильнее влияния на природу тех «размышлений», которым они придавались... Открытие

буржуазными идеологами тайны борьбы между их классом и пролетариатом повело за собою то, что они постепенно утратили способность к спокойному научному исследованию общественных явлений. А это очень сильно понизило внутреннюю ценность их более или менее ученых трудов. Если прежде буржуазная политическая экономия могла выдвинуть такого великана научной мысли, каким был Давид Рикардо, то теперь в рядах ее представителей стали задавать тон болтливые карлики вроде Фредерика Бастиа» (3, т. 14, с. 145).

Подробное описание своего отношения к теории Бастиа дает Плеханов в «Статьях против П. Струве». Он вспоминает, что один немецкий теоретик считает Бастиа одним из самых блестящих умов, которые в новейшее время посвящали себя занятию политической экономией. С этой характеристикой, пишет Плеханов, нельзя согласиться. «Бастиа, несомненно, обладал способностью ясного и даже, пожалуй, блестящего изложения. Но его мысли всегда так **поверхностны**, а его доводы всегда так слабы, что блестящим деятелем науки его признать невозможно. Он был не более как блестящим адвокатом капиталистической эксплуатации. Но именно то обстоятельство, что он блестяще защищал капиталистическую эксплуатацию, обеспечило ему сильное и продолжительное влияние на многих и многих друзей «социального мира»... В самом деле, влияние Бастиа на экономистов более или менее охранительного направления было и остается гораздо сильнее, чем думают многие из тех, кого поражает его **удивительная** и очень мало **утешительная**, хотя по-своему и необходимая, **поверхностность**» (3, т. 11, с. 185—186). Общая тенденция Бастиа, продолжает Плеханов, живет в сочинениях очень многих экономистов самых различных стран. Особенно сильное впечатление произвел «удивительный» и «необходимый» закон распределения продуктов между рабочими и капиталистами. При этом интересно отметить, пишет Плеханов, что открытие этого закона приписывается Бастиа даже на родине Кэри, у которого французский экономист заимствовал как самый закон, так и его изложение. Бастиа приписывают основание правильного учения об отношении интересов рабочих к интересам предпринимателей. Он считал, что «по мере того, как растут капиталы, абсолютная доля капиталистов в общей совокупности продуктов увеличивается, а их относительная доля уменьшается. Наоборот, доля работников увеличивается в обоих смыслах» (3, т. 11, с. 187). Плеханов отмечает, что круги, враждебные марксизму, все более и более проникаются **утешительным** сознанием неоспоримости и «необходимости» закона Кэри — Бастиа. «Почти каждый уважающий себя буржуазный ученый как нельзя

более рад теперь, если ему представится возможность, в «научном» исследовании распространиться на тему об уменьшении расстояния между богатыми и бедными. «Притупление противоречия между капиталистами и рабочими составляет теперь одну из самых модных тем в буржуазной экономической литературе» (3, т. 11, с. 188).

Ч. Кэри. К характеристике взглядов Бастиа примыкает описание, данное Плехановым, высказываниям американского предателя вульгарной политической экономии Чарльза Кэри. Плеханов пишет, что буржуазная наука провозгласила Кэри великим экономистом «единственно во внимание к заслугам его по измышлению нового закона заработной платы, отличающегося весьма успокоительными свойствами» (3, т. 1, с. 220). Вульгарная политэкономия, по словам Плеханова, давно занимается вопросом — в какую сторону изменяются условия продажи рабочей силы по мере упрочения и развития капиталистического порядка. Она выставила целую фалангу «ученых», силившихся доказать, что условия продажи рабочей силы все более изменяются к выгоде пролетариата, которому и достается поэтому все большая и большая доля национального дохода. «Известный американский экономист Кэри ясно формулировал это учение уже в 1838 году. У Кэри оно было заимствовано пресловутым Бастиа» (3, т. 11, с. 184). Плеханов считает, что Бастиа доказывает столь «удивительный и утешительный» закон очень неубедительно. Но французский экономист не особенно останавливается на доказательствах, он переходит к удивительным и утешительным выводам о тождестве интересов капиталистов и рабочих. Плеханов ясно раскрывает цель Бастиа. «Нет ни малейшего сомнения насчет того, зачем именно понадобился Бастиа заимствованный им у Кэри (без указания источника) необходимый и непоколебимый закон: ссылка на этот закон должна была примирить рабочих с капиталистами и подорвать влияние социализма» (3, т. 11, с. 185).

Историческая школа. В работе «Новое направление в области политической экономии» Плеханов показывает, что наряду с «ортодоксальными» учениями, как они вышли некогда из-под пера экономистов-классиков, учениями, дополненными и исправленными «учеными» вроде Бастиа, — вырастает новое направление, отрекающееся одновременно от Рикардо и от Бастиа. Это новое направление в экономической науке, по словам Плеханова, приобретает все большее количество последователей и занимает довольно крепкую позицию в литературе и в университетах передовых европейских стран. Его называют «историко-реалистическим направлением». Заметнее всего это новое течение проявилось в экономи-

ческой литературе Германии, где зарождение и развитие капитализма совершалось при несколько иных условиях, чем происходило оно на родине экономической науки, в Англии и во Франции.

Каковы же были политические и экономические отношения, повлиявшие на развитие экономической науки в Германии и обусловившие собою характер господствующих там учений?

Начало XIX столетия застало большую часть Германии на весьма низкой ступени экономического зарвития. Большая часть населения занималась земледелием. Земля резко разделялась на помещичьи и государственные имения, с одной стороны, и крестьянские участки — с другой. Дворянские имения платили умеренный налог, крестьяне были обложены гораздо более тяжелыми налогами. Города платили многочисленные налоги в виде акцизных сборов, которыми обложены были все предметы потребления горожан. Старая меркантильная система связывала торговую деятельность страны по рукам и ногам и совершенно парализовала ее успехи. Свобода торговли не допускалась даже между отдельными провинциями. Каждая из них имела свои особые таможи и свои тарифы. Внешняя торговля была опутана еще большими стеснениями. Промышленная деятельность была скована цеховыми уставами, не позволявшими ей выходить за городские ворота. Результатом всего этого была экономическая отсталость страны. Время требовало серьезных реформ. Положение, нужды и потребности развивающейся немецкой промышленности, с одной стороны, требовали отказа от старой меркантильной системы, с другой стороны, нуждались в охране и поддержке со стороны государства против конкуренции более передовых наций. Немецкая буржуазия, по образному выражению Плеханова, «выросла уже из помочей меркантильной системы, но отнюдь не прочь была опираться на руку покровительственного тарифа» (3, т. 1, с. 179). Отсюда осторожное отношение к рекомендованной Смитом и Рикардо экономической политике, отрицание абсолютного ее значения и повсеместной применимости. Сама жизнь указывала на необходимость пересмотра «британских преданий» в экономической науке и перекройки ее теорий по росту тогдашней буржуазии. «Этот пересмотр «британских преданий» взял на себя Фридрих Лист, получивший за это почетные титулы «Лютера экономической науки», «величайшего экономиста Германии» и т. д., и т. п., чуть не до «отца отечества» включительно. Сочинения Ф. Листа, в которых, как в зеркале, отразились состояние и нужды современной ему германской промышленности, представляют собой первую попытку систематической критики классической политической экономии. Критика его

оказалась, однако, весьма поверхностной и односторонней» (3, т 1, с. 180).

Лист был создателем «национальной системы политической экономии». Отстаивая свое учение, Лист упрекает смитовскую школу в том, что она занимается лишь индивидуальными и частными хозяйствами, забывая о нации, которая стоит между индивидуумом и человечеством и является представительницей самостоятельной хозяйственной жизни. Богатство этой коллективной хозяйственной единицы зависит, по мнению Листа, не столько от количества находящихся в ее распоряжении меновых ценностей, сколько от развития ее производительных сил. В прямой пропорциональности с этим развитием находится способность страны дать средства существования более или менее густому населению. Поэтому Германия должна освободиться от экономической зависимости по отношению к более передовым странам, нужно избавить германских промышленников от иностранной конкуренции и создать им свободный внутренний рынок, соединяя отдельные немецкие государства в один общегерманский таможенный союз.

Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке, лишь давши окрепнуть своей промышленности, путем господства на своем внутреннем рынке. В работе «Наши разногласия» Плеханов показывает, как Лист объясняет свой закон. По мнению последнего, переход нации от дикого состояния к пастушескому и от пастушеского к земледельческому лучше всего совершается под влиянием свободной торговли. Переход же земледельческих народов в класс земледельческо-мануфактурно-торговых наций мог бы совершаться при свободе торговли только в том случае, если бы во всех нациях подобный переход совершался в одно и то же время и если бы нации не ставили друг другу никаких препятствий на пути экономического развития, если бы они не мешали успехам друг друга войной и таможенными системами. Но так как нации, достигшие успеха в мануфактурах, стремятся обеспечить себе монополию в промышленности и торговле, они создали таможенную систему. Поэтому более отсталые нации оказываются вынужденными создать свою таможенную систему. Плеханов характеризует Листа как человека «хорошо понимавшего интересы современного ему немецкого капитализма и грешившего лишь некоторую высокопарностью в определении будущих «более высоких целей человечества», которые для буржуазии сводятся не ко «всемирной федерации», а к ожесточенной борьбе на всемирном рынке» (3, т. 2, с. 195).

«Этот постоянный возврат к практическим нуждам и потребностям немецкой буржуазии, — пишет Плеханов, — это подыскивание научных аргументов в пользу известных законодательных мероприятий сделали то, что имя Листа, вопреки мнению его поклонников, имеет гораздо более значения как имя талантливого и образованного агитатора в пользу таможенного союза, чем как имя самостоятельного критика рикардо-смитовской школы» (3, т. 1, с. 182).

Вместе с тем Плеханов указывает на заслугу автора «национальной системы политической экономии» в описании относительного значения открытых предшествовавшими экономистами законов народного хозяйства. Если французские и английские экономисты имели дело лишь с абсолютными, вечными истинами, то, в противоположность этому, Лист энергично настаивает на хозяйственных особенностях различных государств и ограничивает сферу действия «неизменных и неотвратимых законов» своих предшественников известными фазисами развития народного хозяйства. Принципы экономической политики, закон народонаселения, самопонятие богатства страны теряют у Листа абсолютное значение и становятся относительными. «Это признание необходимости изучения экономических явлений в их историческом развитии представляет, во всяком случае, значительный шаг вперед в истории политической экономии» — подчеркивает Плеханов (3, т. 1, с. 182—183).

К взглядам Листа присоединились и другие ученые, создав «историко-реалистическую школу», прочно обосновавшуюся в немецких университетах. По мнению представителей «историко-реалистической» школы Рошера, Гильдебранта и Книса, народное хозяйство следует рассматривать как одну из сторон народной жизни, тесно связанную с общим историческим развитием данного народа и специальными условиями его существования. Эти специальные условия определяют собою направление хозяйственной деятельности и распределение экономических сил нации. К их числу относятся — территория данного государства, влияние климата, распределение вод, свойства почвы, густота населения. В теснейшей связи с естественными условиями данной местности стоит природа людей, ее населяющих, свойства национального человека. Расовые особенности, величина мускульной силы, умственные способности, нравы, обычаи и привычки оказывают, по мнению теоретиков «историко-реалистической» школы, огромное влияние на экономические отношения. Конечно, они замечают, что с течением времени все это изменяется, что под влиянием постоянно усиливающихся международных сношений, условия экономической деятельности культурных народов становятся все более сходными. Но экономисты этой шко-

лы не признают возможности полного уничтожения национальных различий в экономической жизни народов. А некоторые ее представители держатся даже убеждения, что указанные различия с течением времени увеличиваются в своей интенсивности. Так, например, Книс думает, что возрастание национальных особенностей в экономике народов необходимо соответствует культурному прогрессу. По мнению представителей «историко-реалистической» школы, все указанные особенности, к которым нужно еще прибавить различия в политическом строе народов, в их религии, в организации церкви и т. п., должны быть приняты во внимание при исследовании экономических явлений. Они считали, что экономическая наука должна отказаться от дедуктивного метода старой школы и устроить свое здание не на отвлеченных положениях о свойствах человеческой природы, но на опыте и наблюдении. Она должна стать наукой индуктивной и черпать свой материал в данных статистики и истории.

Подробно изложив взгляды представителей «историко-реалистической» школы, Плеханов положительно оценивает методологию этого научного направления и показывает, что оно обещало оказать большие услуги науке о народном хозяйстве. Он пишет: «Отказ от завещанного XVIII столетием дедуктивного метода и стремление поставить науку на твердую почву положительного знания предвещали, казалось, огромный успех исследованиям новой школы. Признание же взаимной зависимости различных категорий общественных явлений, в связи с изучением экономических отношений в историческом процессе их развития, должно было пролить новый свет на прочие отрасли социальной науки — историю права, политику, учение о нравственности» (3, т. 1, с. 184—185). В этом отношении, говорит Плеханов, неважно было, как именно была понята взаимная связь различных сторон общественной жизни тем или другим представителем нового направления или даже всей школой в данный период ее развития. «Трудная задача классификации и определения взаимной зависимости не тех или других единиц фактов, но целых категорий общественных явлений не могла быть решена скоро и безошибочно» (3, т. 1, с. 185). В общих положениях «историко-реалистической» школы, на его взгляд, можно заметить много неточностей, промахов и недомыслия. Так, например, можно было бы сказать, что «свойства национального человека», которые, по мнению названной школы, определяют собой характер и спешность экономической деятельности данного народа, сами находятся в теснейшей зависимости от существующих в среде этого народа экономических отношений. В доказательство можно было бы сослаться на тот общезвестный факт, что с изменением

материальных условий жизни изменяются как физические свойства человека, его здоровье, сила, средняя продолжительность жизни, так и нравы, воззрения и привычки индивидуумов, обществ или общественных классов. Внутри одного и того же народа «свойства национального человека» неодинаковы на различных ступенях общественной иерархии. «Свойства» свободного полноправного гражданина, патриция, средневекового дворянина, наконец, буржуа непохожи на «свойства» раба, плебея, крепостного крестьянина или бездомного пролетария. Разделение же общества на классы обусловливается причинами чисто экономического свойства. Ни одно сколько-нибудь заметное национально-политическое движение не являлось без предварительных изменений в экономических отношениях данного народа, изменений, направлением которых определялись характер и направление политической жизни.

Наконец, пишет Плеханов, можно сказать, что в историческом процессе борьбы за существование целых обществ или различных общественных классов имеют шансы явиться и выжить только такие правовые понятия и институты, которые являются наиболее выгодными для целого общества или сильнейшей, руководящей его части. А так как никакой правовой институт не мог быть выгодным для господствующего или стремящегося к господству классу, если он препятствовал обеспечению и возрастанию материального его благосостояния, то нужно признать, что ключ к пониманию правовой истории общества лежит в экономической его истории, а не наоборот. «Можно было бы, — считает Плеханов, — найти и еще целый ряд возражений, которые, как и вышеприведенные, показали бы, что «историко-реалистическая» школа весьма односторонне и поверхностно исполнила взятую на себя задачу определения взаимной зависимости различных сторон общественной жизни. Но повторяем, важен был принцип, принятый названной школой, ошибки же ее были делом весьма поправимым» (3, т. 1, с. 186).

Вместе с тем в работах Плеханова дается критика эволюционизма «историко-реалистической» школы. Так, в книге «Н. Г. Чернышевский» Плеханов пишет: «Опираясь на историю, Рошер и его единомышленники являются принципиальными противниками революционного способа действий. В их понятиях эволюция совершенно исключает революцию. Этот взгляд столь же ошибочный, как и взгляд некоторых революционеров, восстающих против эволюции. Обе эти крайности совершенно исключают правильное понимание истории» (3, т. 5, с. 50). Плеханов показывает, что Чернышевский, позачакомившийся с историческим методом в экономической науке по трудам таких его представителей, как Вильгельм Рошер и прочие катедер-социалисты, вследствие отрицания ими

революционных скачков, относился к их методу пренебрежительно и считал его плодом реакции против освободительных стремлений рабочего класса. В связи с этим Чернышевский отрицал исторический метод.

Сам Плеханов считал, что «стоя на правильном пути исторического исследования, молодое поколение экономистов новой школы легко могло бы исправить ошибки своих предшественников. Неудавшееся Рошеру, Гильдебранту или Кнису могло бы быть исполнено Адольфом Вагнером, Лавелэ и другими, если бы сами общественные отношения западно-европейских обществ не помешали «историко-реалистической» школе сохранить то спокойное и беспристрастное отношение к предмету исследований, которое, как мы видели, характеризовало Рикардо и его последователей. А они именно помешали ей в этом, приняв совершенно новое направление. Это новое направление в истории западно-европейских общественных отношений, роковое для «историко-реалистической» школы и буржуазной экономики вообще, выражается двумя словами: **рабочий вопрос**» (3, т. 1, с. 186).

Молодые представители «историко-реалистической» школы, названные впоследствии «катедер-социалистами» ясно увидели, что на арену исторической борьбы выходит рабочий класс, и антагонизм между пролетариатом резко усиливается. События заставили западно-европейские правительства выйти из нейтрального положения и издать законы, регулирующие отношения работодателей и рабочих. Поэтому «историко-реалистическая» школа, с самого начала отрицательно относившаяся к учениям свободной торговли классической школы, совершенно освободилась от «британских преданий». С другой стороны, «бессилие софизмов «гармонического направления» слишком бросалось в глаза и негодность «научных» положений Бастиа, совершенная безосновательность его розовых взглядов были окончательно разоблачены его противниками» (3, т. 1, с. 190).

Оставался способ соглашения общественных противоречий. Плеханов показывает, что «эклектизм Джона-Стюарта Милля как нельзя более совпал с принятым «историко-реалистической» школой направлением. Молодые отпрыски этой школы, названные впоследствии «катедер-социалистами», не только не восставали против реформаторских тенденций английского философа, но многие пошли гораздо далее по этому пути» (3, т. 1, с. 190). Но если английский ученый все же был духовным сыном экономистов-классиков и не мог отказаться от основных научных положений предшественников, то «историко-реалистическую» школу не связывали

ни догматы классической школы, ни авторитет ее представителей. «В своем реформаторском рвении молодое поколение экономистов «историко-реалистического» направления решилось начать сызнова постройку всего здания экономической науки» (3, т. 1, с. 190—191).

Плеханов подробно проанализировал работы молодых представителей катедер-социализма, особенно труды бельгийского профессора Эмиля де Лавелэ и сделал вывод, что если взять все «образчики «историко-реалистической мудрости и полюбоваться их букетом во всем его грандиозном целом, то перед нами снова встанет Фридрих Бастиа, на этот раз в самом лубочном издании» (3, т. 1, с. 214). Катедер-социалисты пришли к отрицанию законообразности общественных явлений и подмене экономических отношений правовыми нормами. Хотя они восхваляли индуктивный метод и стремились построить свое учение «на наблюдении действительности», на самом деле их старания «не имеют ничего общего не только с «индуктивным методом», но и вообще с каким бы то ни было научным методом» — показывает Плеханов. Весь их «метод» основывается на двух-трех «фактах», взятых без всякой «критики» и без всякой оценки их как экономических явлений» (3, т. 1, с. 210).

Что же помешало, задается вопросом Плеханов, экономистам «нового направления» выполнить взятую ими задачу? Почему они отказались от всех серьезных приобретений классической экономики и дружно присоединились к хору вульгарных экономистов? Ответ на эти вопросы, считает Плеханов, заключается в борьбе классов в западно-европейском обществе. «Эта борьба, заставившая европейские парламенты отказаться от политики невмешательства и издать ряд фабричных законов, окрасила собою весь ход как политической жизни, так и умственного развития Запада. В политике она заставила буржуазию отказаться от золотых грез ее юности о «свободе», «равенстве» и «братстве» и привела ее в объятия военной диктатуры... В области экономической науки она лишила ученых представителей третьего сословия необходимых для научных исследований спокойствия и беспристрастия» (3, т. 1, с. 214). Когда вместе с развитием капиталистического производства вышли наружу и свойственные капитализму противоречия, экономистам историко-реалистической школы оставалось выбирать одно из двух: остаться верными науке и тем самым отказаться от буржуазии или, наоборот, разрушить здание классической экономики, чтобы под развалинами его похоронить противников буржуазии. Катедер-социалисты предпочли второй исход. Плеханов очень образно пишет, что из попыток разрушить постройки первых

основателей науки ничего не вышло. Разрушение «оказалось не по плечу этим посредственностям. Несколькими обрушившимися камнями они лишь придавили самих себя и придавили так сильно, что едва ли им уже удастся выбраться на дорогу серьезного научного исследования» (3, т. 1, с. 215).

Социально-этическая школа. Внутри историко-реалистической школы Плеханов выделяет социально-этическую школу и разбирает взгляды ее представителя Эмиля де Лавелэ в работе «Новое направление в области политической экономии». Он показывает как критики смитовской школы, в том числе и Лавелэ, ополчились на идею классической школы, что человек действует лишь под влиянием одного двигателя — личного интереса. По мнению экономистов этической школы, не один, а несколько двигателей влияют на душу человека и регулируют его действия. Рядом с эгоизмом существует чувство общечеловечности, выражающееся в образовании семьи, общины, государства, чувство альтруизма, религиозное или философское убеждение. Человек — существо нравственное, он часто жертвует удовлетворением своих потребностей благосостоянием, самую жизнь Родине, человечеству, истине, богу.

Плеханов считает, что люди, критикующие смитовскую школу были вполне правы, утверждая, что эгоизм не только не приносит тех золотых гор, которые насулили за него экономисты, но, напротив, порождает целый ряд бедствий, угрожающих общественному спокойствию.

Но экономисты этической школы «надеются, что ряд помещенных в их трактатах похвальных отзывов об альтруизме разбудит дремавшее до сих пор в душе современного европейца чувство общечеловечности и это чувство уврачуе все социальные недуги» (3, т. 1, с. 197). Лавелэ предлагает возможность подавления эгоизма развитием морали и государства как органа справедливости. Государство должно «подавить эгоизм» рядом целесообразных мероприятий. Правда, по словам Плеханова, «наш «этический экономист», с такой важностью утверждавший, что «новая политическая экономия» умеет отличать «осуществимые реформы» от утопий, слишком, по-видимому, увлекся преследованием этих последних «шаг за шагом» и позабыл указать хоть на одну из «осуществимых», по его мнению, реформ» (3, т. 1, с. 197). Плеханов считает, что Лавелэ в своих предложениях «выступает миссионером, а не реформатором».

В противоположность Лавелэ, Плеханов доказывает невозможность укрепления альтруистических убеждений в условиях существующих экономических отношений. Только радикальные измене-

ния условий, в которые поставлена экономическая деятельность человека смогут создать достаточные противовесы человеческому энзиму.

Родбертус. К представителям немецкой школы политэкономии относился Карл Родбертус-Ягцов. Плеханов посвятил его учению отдельную работу — «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова». Он считает Родбертуса оригинальным мыслителем, обладавшим огромною и разностороннею эрудицией, пролагавшим новые пути в области науки, одним из первых серьезных критиков классической экономии. Он высказывает мнение, что Родбертус «может быть причислен к той блестящей, хотя и немногочисленной, фаланге экономистов, которая украшается именем Маркса, Энгельса, Лассалья» (3, т. 1, с. 218). Он так же как они посвятил свои силы изучению вопроса о роли труда в современном обществе. Правда, практические предложения его не так радикальны, как стремления Маркса и Энгельса. Но теоретические основы этих предложений сильно противоречили учениям господствующих школ. Уже одного этого, пишет Плеханов, было достаточно, чтобы вызвать негодование и высокомерное презрение патентованных экономистов. Однако со второй половины сороковых годов положение изменилось. Маркс, разработав стройную систему критики политической экономии, «взялся за практическую деятельность и обнаружил при этом такие неприятные для буржуазии наклонности, что Родбертус... явился просто агнем в сравнении с этим беспокойным человеком» (3, т. 1, с. 218). Для буржуазии особенно привлекательным показалось то, что в политике Родбертус не разделял воззрений Маркса и прямо объявил себя консерватором. Родбертус являлся как бы противоядием для рабочих, «зараженных» учениями Маркса. Он являлся меньшим из двух почти неизбежных на Западе зол. «И несомненно, — показывает Плеханов, — что именно этому стечению обстоятельств обязан он тем вниманием, которое стали оказывать ему теперь катедер-социалисты» (3, т. 1, с. 219).

Плеханов подробно излагает основные положения экономической теории Родбертуса. Плеханов подчеркивает, что отличительной чертой учения Родбертуса является исторический подход к изучению общественно-экономических отношений. Родбертус был убежден, что существующие формы экономических отношений нельзя рассматривать как постоянные и неизменные, возникшие с первых же шагов экономической деятельности человека и безупречно для нее необходимые. Свойственный капиталистическому обществу способ производства, обмена и распределения носит, по его мнению, в самом себе задатки своего дальнейшего развития и преобразования. Поэтому естественно, его исследование не ограничи-

валось только экономической жизнью общества, а необходимо обращалось к изучению истории, с тем, чтобы открыть в ней законы, под влиянием которых совершается образование и смена общественно-экономических формаций.

Заслугой Родбертуса, по мнению Плеханова, в первую очередь явилась постановка изучаемых исторических явлений «на реальную почву развития общественного хозяйства» (3, т. 1, с. 226). Тем самым Родбертус сделал основой истории экономический фактор. Он понял, что хозяйственный строй всякого данного общества есть результат длительного процесса развития и, как всякое «дело истории», изменчив не только в количественном, но и в качественном отношении. Родбертус поставил вопрос о существовании логических и исторических категорий. Он, по словам Плеханова, уже понимал, что определенные экономические понятия относятся только к буржуазному периоду. Поэтому через логические категории хотел выразить материально-вещественное содержание вне всякой связи с общественными отношениями людей, а через исторические категории — именно эти общественные отношения. Но Родбертус еще не понял исторических условий, при которых это происходит, поэтому он попытался взять за основу правовые отношения. В результате решение многих поставленных вопросов оказалось неудовлетворительным. Совершенно верно заметив, говорит Плеханов, что «правовая идея и экономическая необходимость идут рука об руку», Родбертус, вместо того, чтобы постараться обнаружить связь между правовыми учреждениями и вызвавшей их к жизни экономической необходимостью, избрал другой путь. Он начал искать в правовых учреждениях объяснения общественно-экономических явлений. Поэтому вместо объяснения экономической жизни общества, Родбертусу пришлось ограничиться их описанием. А устранение недостатков и противоречий существующего строя он стал искать на пути правовых реформ. Таким образом, метод Родбертуса перестает быть научным и скатывается на позиции поверхностной описательности.

Новая историческая школа. К началу 70-х годов в буржуазной политической экономии сложилась новая, или молодая историческая школа. Эта школа отражала особенности развития германского империализма и пыталась применить для его апологии методы и традиции старой исторической школы в новых условиях. В работах Плеханова анализируются взгляды виднейших представителей новой исторической школы Г. Шмоллера, Л. Brentano, Г. Шульце-Геверница, К. Бюхера, В. Зомбарта.

В книге «Статьи против П. Струве» Плеханов подробно характеризует буржуазный реформизм Л. Brentано, Г. Шмоллера, Г. Шульце-Гевеверница и влияние их теорий на позицию русского экономиста Петра Струве. Литературная известность Струве началась с периода выхода в свет его книги «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». В этой книге, пишет Плеханов, одновременно выступали и причудливо переплетались одна с другою две теории: во-первых, теория Маркса, а, во-вторых, теория Brentано и его школы. Были надежды, что Струве постепенно преодолет брентанизм. Но эти надежды оказались напрасными: «марксизм уже теперь уступает, по мнению г. П. Струве, свое место своему старому соседу-брентанизму» (3, т. 11, с. 154). Плеханов показывает, что брентанизм не приемлет теории исторического материализма и под его влиянием Струве так же обнаружил совершенное непонимание самых коренных положений исторического материализма.

Струве хвалит как самое тщательное монографическое исследование по социальной истории английской промышленности книгу Шульце-Гевеверница о «Крупном производстве». Это «тщательное исследование», говорит Плеханов, привело Шульце-Гевеверница к тому убеждению, что участие капитала в возрастании национального продукта относительно уменьшается, участие же труда относительно растет. Труд получает все большую долю общего национального производства. «Это все тот же утешительный закон Кэри-Бастиа, — пишет Плеханов, — и странно, что г. П. Струве не заметил этого» (3, т. 11, с. 187). Этот утешительный закон распределения, указывает Плеханов, приводит «глубокомысленного немца к таким же странным выводам, к каким он некогда привел легкомысленного француза» (3, т. 11, с. 187). Шульце-Гевеверниц делает вывод об уравнивании имущественных положений богатых и бедных и приходит к умозаключению о возможности «социального мира». Шульце-Гевеверниц и Шмоллер некритически восприняли статистические выкладки об уменьшении расстояния между богатыми и бедными в Англии, выполненные английским министром финансов Гошеном. Плеханов критикует Шмоллера и Шульце-Гевеверница за то, что «этим «объективным» мужам науки было не до критической проверки доводов английского министра. Им тоже было очень приятно услышать, что удивительный и утешительный закон Бастиа может быть поддержан с помощью новых данных. Ну, а раз аргументация Гошена была почтительно встречена Шмоллером, Шульце-Гевеверницем и другими патентованными «учеными», то «критикам» марксизма, как говорится, уже сам бог велел кричать о притуплении общественных противоречий, вследствие «ро-

ста умеренных доходов» (З, т. 11, с. 194). Наши «критики», считает Плеханов, имея в виду Струве, вообще не критикуют буржуазных ученых, их специальность в «критике» Маркса.

Плеханов так же показывает, что Шульце-Геверниц присоединился к идеологам «автоматического социализма», доказывающим, что распространение акций среди все большего числа лиц противодействует тенденции централизации капитала. Это соображение Шульце-Геверница произвело сильнейшее впечатление на Э. Бернштейна. Но общественное значение факта, указываемого Бернштейном вслед за Шульце-Геверницем, может быть понимаемо весьма различно, — пишет Плеханов. «Буржуазные ученые и плетущийся за ними г. Бернштейн не обратили внимания на то, что распространение акционерных компаний может явиться и действительно является **новым фактором централизации имущества и увеличения расстояния между бедными и богатыми**» (З, т. 11, с. 195).

Плеханов очень образно критикует реформистскую позицию теоретиков «социального мира»: «Разглагольствования на тему о притуплении, о диффузии богатства, об «обеднении» капиталистов и об «обогащении» работников являются горькой насмешкой над тем классом, которому с особенной силой дает себя чувствовать общественное неравенство. Учение Кэри-Бастия и их потомства: Гошена, Шульце-Геверница и проч., и проч., и проч., есть не более как хитрая, но нимало не убедительная речь адвокатов дела, проигранного, по крайней мере, в принципе» (З, т. 11, с. 208).

Теорию Шульце-Геверница об относительном улучшении общественного положения пролетариата рассматривает Плеханов и в работе «Критика теории и практики синдикализма». Геверниц положительно отвечал на вопрос: создается или нет ходом развития капитализма возможность такого улучшения в положении пролетариата, которое, сблизив этот класс с классом капиталистов, заставило бы его дорожить существующим порядком вещей и сделало бы излишней в его глазах мысль о полном устранении капиталистических отношений производства. Геверниц утверждает, что создается, причем ссылается на придуманное им возрастные доли рабочего класса в национальном продукте. Плеханов доказывает, что этот призыв к «социальному миру» означает только желание привести рабочих к отказу от «конечной цели», т. е. от стремления покончить с тем общественным порядком, благодаря которому рабочий вынуждается нести на рынок свою рабочую силу. Не случайно реформизм Шульце-Геверница подхватил Бернштейн, позаимствовав его фразу: «движение — все, конечная цель — ничто».

Реформизм представителей новой исторической школы очень хорошо показан Плехановым на примере изучения воззрений Вернера Зомбарта.

В работе «Литературное наследство Карла Маркса и Фридриха Энгельса» Плеханов указывает на разницу между периодами юности и молодости Маркса, Энгельса, Лассаля и на условия более позднего времени: «Вернер Зомбарт воспитывался в такое время, когда класс, к которому он принадлежал — **немецкая буржуазия** — во всех своих слоях сделался более или менее консервативным. Поэтому ученый профессор просто напросто не способен понять революционное настроение Маркса, до сих пор, однако, очень хорошо понятное многим и многим **немецким пролетариям**» (3, т. 11, с. 359).

В «Статьях против П. Струве» Плеханов анализирует как «**консервативный инстинкт**» Зомбарта уживается с отстаиванием идей «**социальной реформы**». Зомбарт еще долго хочет видеть во главе экономического прогресса имперских купцов, директоров акционерных компаний, предпринимателей. Но все это вовсе не значит, уверяет он, что перед колоссальной сферой деятельности современного капитализма должны капитулировать социалистические идеалы: скорее наоборот, именно на капиталистическом пути они получают возможность реализации. Плеханов в связи с этим пишет: «В качестве ученого буржуа, очень хорошо знающего где «раки зимуют» г. Вернер Зомбарт весьма красноречиво рассуждает о социализме на капиталистической основе. Но заметьте, читатель, что этот социализм и есть та пресловутая «**социальная реформа**», которую нам так настойчиво рекомендуют и так старательно расписывают гг. Э. Бернштейн, П. Струве» (3, т. 11, с. 255—256). «Мы с уверенностью утверждаем, продолжает Плеханов, что «социализм» г. В. Зомбарта отличается от «социальной реформы» г. П. Струве никак не больше, чем отличается одна от другой две разновидности одного и того же вида. Это — **вариация на одну и ту же тему**. И именно поэтому г. П. Струве так превозносит г. В. Зомбарта, а г. Зомбарт возлагает такие большие надежды на «неомарксизм» г. П. Струве. Рыбак рыбака видит издалека. И оба рыбака руководствуются одним и тем же классовым инстинктом» (3, т. 11, с. 256).

Критикуя взгляды Зомбарта, Плеханов доказывает, что вследствие реформ в отношении труда к капиталу, которые так хвалит Зомбарт, никаких существенных изменений в ограничении прав капиталистической собственности не произошло, наоборот, несмотря на эти реформы, относительная доля рабочего класса в общественном доходе уменьшается во всех передовых капиталистиче-

ских странах, уровень эксплуатации рабочих повышается. Что же касается таких реформ как введение фабричного законодательства, которые Зомбарт выдает за реализацию «социалистических идеалов» то передовая промышленная буржуазия капиталистических стран давно уже поняла, что осуществление таких «идеалов» не только не вредит ей, но приносит значительную пользу. Вот почему она, так решительно восставшая прежде против государственного вмешательства в отношении труда к капиталу и против профессиональных союзов рабочих, теперь сама готова требовать такого вмешательства и содействовать возникновению таких союзов. Она поняла, что в условиях крупного машинного производства розничная покупка рабочей силы является нелепостью. И вот буржуазные публицисты и ученые выступают убедительными проповедниками «социализма» этого вида — заключает Плеханов.

Плеханов также показывает, что убеждение Зомбарта в постоянном продолжении процесса развития капитализма другими словами означает, что «капитализм будет существовать всегда или, по крайней мере, так необозримо долго, что незачем и задумываться об его устранении» (3, т. 11, с. 267). Зомбарт по существу отрицает возможность «конечной цели», «окончательного исхода» развития существующего экономического порядка, говорит Плеханов. В этом с ним солидарны Струве и другие «критики». Но отрицание возможности «конечной цели» означает только одно — человек, высказавший эту мысль, «перестает быть социалистом» (3, т. 11, с. 268).

Реформистскую идею Зомбарта о том, что производительные силы капиталистического общества никогда не перерастут свойственных ему отношений производства, Плеханов критиковал и раньше в работе «Наши разногласия». Он указывает, что Зомбарт с большой нежностью отнесся к теории Туган-Барановского о невозможности перепроизводства при капитализме. Туган-Барановский объяснял кризисы простой диспропорциональностью в распределении средств производства. Эта теория очень отрадна для буржуазии, поэтому Зомбарт так хорошо отнесся к ней. Это не удивительно для буржуазного теоретика, «удивительно только то, — пишет Плеханов, — что г. В. Зомбарт считает выдающегося русского ученого Туган-Барановского отцом этой будто бы новой теории. Настоящим отцом этого совсем не нового учения был Жан-Баттист Сэй, в «курсе» которого она и изложена с достаточной полнотой. Очень интересно то обстоятельство, что в этом отношении буржуазная экономия возвращается на точку зрения вульгар-

ного экономиста, которого она избегает называть, как бы уступая похвальному чувству стыдливости» (3, т. 2, с. 233).

Подробно рассматривает теоретические положения Зомбарта при анализе проблем международного рабочего движения Плеханов в двух работах — «Почему нет социализма в Соединенных Штатах?» и «О книге В. Зомбарта «Пролетариат». Плеханов пишет, что он не принадлежит к числу безусловных поклонников Зомбарта, ему хорошо известна «неисправимая ограниченность его кругозора» и «давно ясен буржуазный характер его общественных симпатий». Но в своем качестве марксиста, указывает Плеханов, я стараюсь всегда отдавать должное своим врагам и противникам. Я считаю В. Зомбарта одним из самых замечательных представителей современной экономической науки. Он имеет очень много знаний, а главное, он умеет хорошо пользоваться своими знаниями. Он чрезвычайно талантлив» (3, т. 16, с. 200). Плеханов повторяет, что Зомбарт стоит на буржуазной точке зрения. «Но к объяснению социальных явлений он довольно удачно применяет метод Маркса, поскольку этому не препятствует... ограниченность его буржуазного кругозора» (3, т. 16, с. 200). Зомбарт правильно понимает, что «общественный человек» (выражение Маркса) изменяет свои чувства и понятия сообразно тому, как изменяется его экономическая жизнь. В этой жизни и ищет Зомбарт объяснения психического склада американского рабочего. Некоторые экономисты, отвечая на вопрос — почему в Америке нет социалистической партии? — указывали на свойства англо-саксонской расы. «Как человек, вкусивший от Марксова дерева познания добра и зла, — говорит Плеханов, — В. Зомбарт ясно видит смешную несостоятельность подобных объяснений» (3, т. 16, с. 200). Он верно указывает, что причины отсутствия такой партии надо искать в особенностях северо-американской общественной жизни. Зомбарт указывает на демократический характер северо-американских политических учреждений, отмечает благоприятное экономическое положение северо-американского рабочего, а также влияние множества свободных земель на западе, дающих пролетарию возможность «бежать на свободу» от капитализма. Этими фактами задерживалось классовое самосознание северо-американских рабочих, а, следовательно, замедляется рост социализма. Однако пространство свободных земель уменьшается, отмечает Зомбарт, а колоссальное развитие капитализма обостряет его противоречия, поэтому в будущем можно ожидать в Северной Америке расцвета социализма. Более того, он обещает в будущих исследованиях показать, что нигде в мире рабочий не подвергается такой сильной эксплуатации со стороны капиталиста, как в Соединенных Штатах.

Таким образом, показывает Плеханов: «Зомбарт принадлежит к числу тех писателей из буржуазного лагеря, которые несмотря на свое отрицательное отношение к практическим стремлениям современного социализма оказываются вынужденными признавать теоретическую правильность многих его положений. Правда, это не мешает им отворачиваться от практических выводов, логически вытекающих из этих или же признаваемых теоретических положений» (3, т. 16, с. 202). Плеханов говорит, — признавая факт, что один общественный класс присваивает себе плоды труда другого класса, идеолог буржуазии представляет тех, кто задумывается об устранении этого факта, ограниченными догматиками. «Но добрый идеолог буржуазии готов от души пожалеть о тяжести цепей, сковывающих рабочий класс и придумать ту или другую «формулу» для уменьшения этой тяжести» (3, т. 16, с. 204).

Плеханов убедительно показал ярко выраженный классовый характер идей представителей новой исторической школы: «Современная нам буржуазия тоже очень недурно понимает, какую огромную важность имеют социально-политические теории для социально-политической практики. Это доказывается, если еще нужно доказывать это, — тем походом, который она предприняла теперь против революционного социализма под предлогом «критики» теории Маркса. Буржуазные ученые, подобные Шульце-Геверницу, Геркнеру, Георгу Адлеру, Вернеру Зомбарту и прочей братии того же рода, сочли своим гражданским долгом выступить в «критический» поход против марксизма именно потому, что оценили колоссальное **практическое значение этой теории**» (3, т. 12, с. 209).

Как противника материалистического понимания истории представляет Плеханов идеолога новой исторической школы Карла Бюхера. В сборник «Критика наших критиков», наряду со статьями против критиков особого рода, которые считали себя близкими к разбираемому ими учению Маркса, Плеханов включил и статьи, направленные против Бюхера, «по-видимому, вовсе не задававшегося целью «критиковать» Маркса. Но какова бы ни была цель Бюхера, — подчеркивает Плеханов, — несомненно, что те его взгляды, которые оспариваются здесь мною, сложились под сильным влиянием убежденных противников материалистического понимания истории... Вот почему я счел полезным включить сюда и статьи, посвященные разбору взглядов Бюхера» (3, т. 18, с. 293).

В работах, посвященных истории искусств и, в частности, в «Письмах без адреса», Плеханов показывает, что взгляды Бюхера на причины экономического развития прямо противоположны материалистическому взгляду. Он пишет, что Бюхер в своей книге «Работа и ритм» на примере соотношения игры и труда делает

Вывод: «игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов» (3, т. 14, с. 55). Следовательно, из этих слов можно сделать вывод, что материалистическое объяснение истории в том виде, который придан ему автором «Капитала», не выдерживает критики и следует рассуждать о зависимости экономики от искусства, а не о зависимости искусства от экономики. Но прав ли Бюхер? — спрашивает Плеханов. На многочисленных примерах исторических исследований Плеханов доказывает, что в жизни общества труд старше искусства и что человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения.

Австрийская школа. В 70-х годах параллельно новой исторической школе сложилась австрийская школа. Она положила начало так называемому неоклассическому направлению вульгарной политической экономии. В работах «Статья против П. Струве» и «Двадцатипятилетие смерти Маркса» Плеханов дает характеристику наиболее видному представителю австрийской школы Е. Бем-Баверку, пытавшемуся противопоставить марксовую теорию трудовой стоимости свою теорию.

Плеханов называет взгляды Бем-Баверка «экономической метафизикой», на которой лежит глубокая печать «непонимания материалистически-диалектического метода Маркса» (3, т. 16, с. 295). Когда Маркс в III томе «Капитала» сказал, что действие закона стоимости ограничивается и, стало быть, видоизменяется действием закона равного уровня прибыли, то Бем-Баверк сделал вывод, что Маркс противоречит сам себе и отвергает основу своего собственного экономического учения. Плеханов считает подобные выводы «просто-напросто не серьезными» и свидетельствующими о метафизичности мышления Бем-Баверка. Он называет последнее — «Бастиа наших дней» (3, т. 11, с. 269) и показывает, что «защита буржуазные общественные отношения, теоретики буржуазии понижаются до уровня софистов низшей пробы» (3, т. 11, с. 90).

В предисловии к работе «Н. Г. Чернышевский» Плеханов дает уничтожающую критику теоретического уровня австрийской школы. Он пишет, что последнее время широко говорят о распространении так называемой австрийской школы, претендующей на глубокую разработку вопросов теории и мало занимающейся фактами. В действительности австрийская школа, «к числу «светильников» которой принадлежит Бем-Баверк», по мнению Плеханова, не только мало занимается фактами, «ее представители плохо знают факты и нередко насилуют в своих рассуждениях даже и те из

них, которые известны им» (3, т. 5, с. 133). «Что же касается теоретического значения австрийской школы, то оно равно нулю. «Субъективизм» этой школы составляет поучительный pendant к идеализму всех новейших философских школ. Как идеализм, так и «субъективизм» знаменует собой **попятное** движение в области мысли, причиненными известными антагонистическими явлениями в капиталистическом обществе» (3, т. 5, с. 133). Отвечая на вопрос — почему учение австрийской школы имеет большой успех, Плеханов приводит в пример такой факт: когда Уильям Сمارт выпустил английский перевод сочинения Бем-Баверка, то всемирно известная газета «Таймс» выразила свое удовольствие по поводу того, что теперь у английского читателя есть противоядие против марксистской теории эксплуатации. «Этим сочувственным отзывом, — объясняет Плеханов, — лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успеха австрийской школы. Она нравится идеологам капиталистического порядка именно как противоядие против теории эксплуатации» (3, т. 5 с. 133—134). Но каким средством превращается она в такое противоядие? — спрашивает Плеханов. «Она превращается в него путем отвлечения от всех общественных отношений производства: когда «теоретик» отвлекается от **всех** отношений производства, тогда он естественно отвлекается и от тех из них, которыми обуславливается эксплуатация производителя продукта — его присвоителем. Но как много сулит науке такое отвлечение видно из того, что все категории политической экономии являются ничем иным, как выражением производственных отношений: отвлечься от этих отношений — значит закрыть себе путь к пониманию этих категорий. Естественно поэтому, что у «теоретиков» австрийской школы не получается ничего кроме бессодержательных рассуждений на «субъективные» темы. От таких рассуждений, — показывает Плеханов, — научная теория до сих пор ничего не выиграла, да, конечно, и не может выиграть» (3, т. 5, с. 134).